

Вы есть, значит я существую

Для многих жителей стран, где говорят на языке банту, термин *убунту/бозо* означает набор качеств, требуемых для того, чтобы обрести уважение в обществе. Это также оружие, используемое африканистами для критики колониальной доктрины. Более того, это понятие является центральным в гуманистической идеологии, на которой основывается новая южноафриканская демократия.

МАЙКЛ ОНИЕБУЧИ ЭЗЕ

Обратитесь к любому человеку на улице в Хараре, Йоханнесбурге, Лусаки или Лилонгве (на юге и востоке Африки) и спросите у него, что означает *убунту/бозо*. Можно спорить, что он перечислит ряд добродетелей, к которым должны стремиться члены этих обществ: сострадание, щедрость, честность, великодушие, сопереживание, понимание, прощение и готовность поделиться с ближним. Поэтому *убунту/бозо* (или один из его эквивалентов в различных лингвистических группах банту)¹ воспринимается как определение «человека» или же его «персональная идентификация». Однако само понятие *убунту/бозо* намного глубже и шире: оно проникло в общества региона и лежит в

основе общинной этики, идентификационного дискурса и даже быстро развивающейся панафриканской идеологии.

Между тем, для современных африканистов *убунту/бозо* – это прежде всего критика процесса и самой идеологии колонизации, направленной на «гуманизацию» и «цивилизацию» неевропейских (не западных) культур путем их колонизации. Могущественный и высокомерный колониализм был навязан под предлогом «гуманизации» и «цивилизации» не западных народов. Эта лжегуманитарная доктрина легла в основу колониальной практики в законодательно закрепленной форме социал-дарвинизма², источником которого является расовый капитализм.

Расовый капитализм – это теория, согласно которой расовая принадлежность индивида определяет его жизненные возможности и потенциал, будь то работа, местожительство, выбор супруга, школьного заведения и т.п. Последствия этой теории для южноафриканского общества прослеживаются в многочисленных жестких законах, принятых с целью ущемления потенциала чернокожих. Эта система легла в основу Закона о земле 1913 года, который запрещал чернокожим покупать участки земли в Южной Африке, «ограничений по цвету кожи» 1918 года, Закона об образовании банту 1953 года, который отменял изучение африканской истории, Закона об ограничении на труд, который предоставлял белому населению приоритетное право при приеме на работу, и других сегрегационных политических практик, которые с 1907 года ограничивали свободу передвижения чернокожих и сводили их к статусу простых орудий труда.

Уже в 1958 году конституция буров Республики Трансвааль исключала все административные и религиозные равенства между белыми и черными. Главным аргументом являлось то, что вынужденный труд был установлен Богом как святая привилегия, позволявшая белой расе господствовать над черной. Это уточнил в августе 1897 года своему Volksraad [Народному совету] Пол Крюгер, в то время являющийся президентом Южно-Африканской республики: «Наша конституция не хочет равенства. К тому же, равенство противоречит Библии, так как разделение на

Могущественный и высокомерный колониализм был навязан под предлогом «гуманизации» и «цивилизации» не западных народов. Эта лжегуманитарная доктрина легла в основу колониальной практики в законодательно закрепленной форме социал-дарвинизма, источником которого является расовый капитализм.

1. Термин *убунту/бозо* обычно является производной от местной формы обозначения «человека» на языках многих народов южной, восточной и центральной (в меньшей степени – западной) Африки, общепринято объединенных в лингвистическую группу банту. На языке шона человека называют *munhu* в единственном числе и *vanhu* во множественном. На зулу, коса и ндебеле – *umuntu* в единственном числе и *abantu* – во множественном, а на языках сото и тсвана *muthu* и *bathu*.
2. Социал-дарвинизм, основанный на теории естественного отбора Чарльза Дарвина, утверждает, что сильные нации обладают моральным правом, можно сказать обязанностью, завоевывать, подчинять и доминировать над слабыми народами, так как это является следствием природного построения мира.

социальные классы проявляется в самих деяниях господних». Позднее он напишет в своих мемуарах: «...Там, где была всего лишь небольшая группа белых людей, державших в подчинении тысячи черных, суровость была необходимой мерой. Следовало научить черного человека тому, что он вторичен, что он принадлежит к низшему классу, что он годен лишь для того, чтобы подчиняться и учиться».

Эти воззрения определяют всю южноафриканскую историю и лягут в основу нового государства и построения его национального суверенитета. Но если колониальное южноафриканское государство опиралось на теорию социал-дарвинизма, то какой должна быть идеологическая составляющая нового демократического и независимого государства? Именно здесь приобретает значение *убунту/бозо*.

В общественном дискурсе *убунту/бозо* утвердился как особая форма африканского гуманизма: он встречается в в таких афоризмах банту, как *motho ke motho ka batho babang*, или *umuntu ngumuntu ngabantu* (человек становится человеком посредством других людей). Иначе говоря, лишь в отношениях с другими людьми человек обретает свою человечность. Но этот подход вовсе не ведет к подавлению, где индивид должен утратить свою автономию ради сохранения тесных отношений с ближним.

Многие африканисты описывали *убунту/бозо* как произвольную общинную этику, которая признавала благополучие и процветание индивидов как вторичную необходимость. Но критический подход к понятию необходимости связи с другими людьми показывает, что человечность индивида развивается в процессе близости и отдаленности, единства и различия. Любая реализация субъективных человеческих качеств, которыми мы обладаем по отношению друг к другу, порождает в нас безусловное желание понимать и использовать то уникальное и отличное, что есть в другом не как угрозу, а как дополнение к нашей человеческой сущности. Ставшая уже классической формула африканского христианского философа Д.С. Мбити «Я существую, потому что мы есть; мы существуем, поэтому я есть» выявляет основную черту формирования человека посредством контакта и отдаленности.

Мбити разделяет утверждение, что человеческая субъективность ставит общественное благо выше личного. Однако я не согласен с приоритетом общественного над личным. Связь с «другим» – это отношения субъективного равноправия, в котором взаимное признание нашей различной, но равноправной человечности открывает путь к безусловной толерантности и глубокому уважению «другого». Это- истинный дар, обогащающий наше человеческое «я»...

Объединяющая идеология?

В современной истории Южной Африки существуют три различных понимания *убунту*. В первом случае *убунту* воспринимается как

анахроническая философия, разработанная в африканских университетах. *Убунту* при этом играет роль альтернативы для оспаривания колониальной логики, отчаянного поиска идентичности, своего рода безапелляционной этики, призванной помочь нам преодолеть травмирующее влияние современности и глобализации. Поскольку *убунту* нельзя связать с какой-либо конкретной исторической культурой, он представляется как искусственно «выдуманная» и по существу инородная идея. А так-как *убунту* выдумали, то это более или менее «пустая» концепция, посредством которой африканисты пытаются ловким маневром оформить идентичность, опираясь на «импортированный» культурный национализм. Для этого привлекаются различные африканские культурные традиции, из которых делают однородный набор ценностей и затем накладывают на них штамп *убунту*. Так, постепенно, *убунту* возводится в статус универсальных африканских ценностей, независимо от реального исторического контекста практикующих его сообществ. Следовательно, чтобы стать истинной африканской ценностью, *убунту* вовсе не нуждается в однородном историческом контексте³, точно также как отсутствие исторической достоверности не лишает *убунту* подобной нормативной легитимности.

Второй подход представляет *убунту* в качестве идеологии, которую можно употреблять в политических целях, что уже имело место в ходе работы Комиссии правды и примирения и при подготовке проекта южноафриканской конституции. Как идеология, *убунту* может стать «волшебной палочкой», позволяющей разрешать каждый зарождающийся социальный кризис. Но он также может использоваться противоявно и перестать быть этической нормой, слившись с коммерческими лозунгами, чтобы придать предприятию или торговой марке позитивный имидж («Ubuntu Security», «Ubuntu Restaurant», «Ubuntu Linux», «Ubuntu Cola» и т.п.).

Наконец, третье понимание – историческое, где *убунту/бозо* воспринимается в историческом контексте его зарождения. В этом случае, будучи историческим явлением, он обретает эмоциональную и этическую легитимность, поскольку его считают внутренним достоянием сообществ, принимающих его ценности.

В таком случае встает вопрос, не исключает ли *убунту/бозо*, воспринимаемый как идеология, возможности творческой

3. Идея состоит в том, что африканская историография – это уникальное историческое повествование, независимое от многообразия культур, народов и традиций, и охватывающее географическое пространство всего африканского континента.

4. Творческая историчность подразумевает, что история не является ни фиксацией на прошлом, ни простой хронологией событий. Истинная история открыта для многообразных влияний и исторических контекстов.

В общественном дискурсе *убунту/бозо* утвердился как особая форма африканского гуманизма.

Сценка из повседневной жизни жителей Южной Африки в условиях апартеида.

Пляж только для белых. Кейптаун, Южная Африка, январь 1970 г.

историчности⁴⁷? На это я отвечу – нет. Условия, в которых появился *убунту/бозо* (в том числе в качестве идеологии) в южноафриканской политической истории, были попыткой сформулировать теорию политической преемственности в соответствии с зарождавшимися национальными представлениями. Каким бы сомнительным не было его происхождение, момент, когда *убунту/бозо* превратился в общественное достояние, легко приемлемое для всех южноафриканцев, сам по себе составляет его историчность. Таким образом, отсутствие исторически подтвержденного происхождения (в письменных источниках или как нюансированная культурная норма), не отрицает его правдоподобия.

Воспринимаемый как отражение нового национального самосознания, *убунту* вносит не только эмоциональную легитимность, позволяющую заменить *старый* политический

порядок, но и придает *новому* политическому порядку чувство идентичности и политической завершенности. В то время как старый порядок базировался на концепции дискриминации и различия, новый режим пытается обрести легитимность, укрепляя понятие демократического гражданства, основанного на причастности и гражданской добродетели. Однако этот новый подход в первую очередь должен избавиться от старых подавляющих структур, на смену которым должна прийти система ценностей, основанная на принципе нерушимых прав и достоинства человека. Таким образом, «понятие» *убунту* приобретает этический характер, поддерживая новое чувство национального самосознания.

Те, кто критикуют использование *убунту* в качестве объединительной идеологии, считают, что он представляет собой противоречивую, надуманную и лишенную истории этику. Однако идеологии не могут идти впереди истории. Они рождаются в ответ на вопросы, поставленные определенной эпохой, чтобы искоренить определенный образ мыслей (или устранить прежнюю идеологию). Задача состоит именно в том, чтобы ответить на вопрос, возможно ли восстановить *убунту* как идеологию, подчеркнув прежде всего его нормативный характер, или же отсутствие историчности окончательно лишает его реального содержания.

Поскольку и Банту, и Мунху и Умунту имеют общие человеческие ценности, они являются не внешними, но внутренними составляющими того контекста, в котором находятся. *Убунту* сумел превзойти этот моральный релятивизм, став этической практикой, признанной всеми южноафриканцами, из разнообразных общественно-культурных слоев. Именно эта норма сможет стать направляющим руслом при построении новой Южной Африки, движимой необходимостью примирения, а не разделения, прощения, а не озлобления, понимания, а не жажды мести и *убунту*, а не гонений (см. документы Комиссии правды и примирения). Речь идет о глубоко почитаемых ценностях, которые сегодня разделяют большинство южноафриканцев, подготавливая почву для нового общенационального восприятия. Именно эти ценности придают *убунту* его моральный авторитет. ■

Майкл Ониебучи Эзе - нигерийско-американский ученый, приглашенный для работы в Центр африканских исследований при Стэнфордском университете (США). Он получил докторскую степень по интеллектуальной истории при Университете Виттен-Хердеке (Германия), преподавал африканские исследования в университетах Аугсбурга, Франкфурта. Он также является автором двух трудов: *The Politics of History in Contemporary Africa* и *Intellectual History in Contemporary South Africa* (Palgrave-Macmillan, 2010).

© UNESCO/Mic Kenna Durrell

© United Nation Photo